

ВРЕМЯ

«Wremja»

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Редакция газеты «Время» в Берлине —
Берлин W. S., Кроненштр. 4/5.
Телефон: Маркус 4340 и 4341.

Прием подписки и обьявлений в контору
издательства Berlin W. S., Кроненштр. 4—5.
Телефон: Маркус 4340 и 4341.

№ 294

Берлин, Понедельник 10 марта 1924 г.

Год издания VI

В. Назимов.

Политический процесс безвременья.

В Мюнхене в настоящие дни разворачивается процесс, судьба обвиняемых которого нас интересовать не может по двум причинам. Прежде всего — процесс этот представляет собой политический спор германцев между собой. А — во вторых, условия, при которых протекает этот процесс, политическая роль, которую играют в залы заседания обвиняемые, защитники, а в залы суда ряд свидетелей и фактических обвинителей, настолько своеобразна, что это суды не как таковые винят границ Германии значения иметь не может. Все это уже ясно было до возбуждения обвинения, так что никто уже не заподозрил ни разоблачениями, которые делятся на судьи, ни приговором суда, как голосом общественной справедливости.

Но в наше время постыдных дней и перевоплощенной эпохи, процесс как школьный пример представляет собой выдающийся интерес. Как школьный пример демонстрации ряда общественных настроений, побуждений и политических племен, составляющих монополии далеко не только Германии. Не этот процесс, называемый «дьялом Гиттера, Людендорфа и товарища», который с таким же правом мог бы называться и обвинением отсутствующих на судьях политических деятелей Германии или Баварии, дьяло даже не идет о борьбе разных политических

мировоззрений, о противоречии извѣстных интересов или общих принципальных государственных или партийных взглядов. Дѣло идет об антагонизмѣ тактики реакции, и даже не реакции германской, а политической реакции вообще. Что больше интересно — это то, что враждующие члены одной и той же реакционной семьи, как и вообще в Европѣ, находятся на одном. Это однодиктатура. И разница заключается только в том, должна ли реакция эта торжествовать под одним или под другим знаменем, цветная полосы которых могут быть по желанию в любой момент заменены.

Война оставила не у дѣла огромные колоды профессиональных солдат разных членов. Она выбросила из обычной колеи труда и жизненного покрица сотни тысяч и миллионы людей, привыкших в течение четырех лет основательно только к одному дѣлу — дѣлу убийства и тоски. Ничего привлекательного, заманчиваго, поучительного, просто, хорошо, даже для крестьянского непрощенного глаза там нет. Нечему учиться. Город сам прозябает, погружается в тьму. Отходит к средневѣковью.

Да и нѣт, в сущности, никакого импульса, нѣт примѣра, который бы заразил крестьян, заставил интересоваться образованіем.

Стремление к городу у деревни чѣтырех нѣт: но к чему стремиться. Ничего привлекательного, заманчиваго, поучительного, просто, хорошо, даже для крестьянского непрощенного глаза там нет. Нечему учиться. Город сам прозябает, погружается в тьму.

«Что ученыи, что неученыи, все едини — скакулировать и у себя дома научатся». — Говорят крестьяне.

Отталкивается от школы и политики. Молодежь это хранится, а вот стариков, нѣт; стараются краинко удержать молодцов при соѣдѣ.

Для молодежи лестно было попасть в «университет». Как же, слышаное ли дѣло, от соѣдѣ и прямо в «университет». Но и здесь разочарование. Оказалось, что живут в городе горыше чѣм в деревне, а учиться не лапти плещут.

Студенту отпускается из казны 10 руб. За вычетом обиенных денег, на коммунал, за услуги и общежитіе и пр., почти, ничего не остается. Учеников нѣт, а купить невозможно — дорого. «Ну и бѣмъ бытуши или митингуемъ» — говорят студенты.

Впрочем «бѣтуши бѣть» тоже не весело. Жизнь студенческая тяжела. «Лица из котла плохая — ножки протягнешь; в общежитіи тѣснота страшная: в одной комнатѣ по 100 человѣк и болѣе, нѣтъ одежды, нѣтъ обуви.

Чтобы гѣсколько скрасить «казенное» существование «красные» студенты вынуждены прирабатывать: моют полы в советских учреждениях, колят дрова, продают папиросы...

Но и это «счастье» — пишут «Извѣстія» (№ 38) выпадает далеко на долю не всѣх.

В. Назимов.

Понять — простить...

С легкой руки П. Н. Краснова, за-
главие его постыдного произведения: «Понять — простить», нашло живое от-
звук в эмигрантских кругах. Ко-
нечно, преисподительный романист не открыл никому из Америки. Он
только дал толчок тому, что таилось в глубинах душъ очень многих, за-
ставив мысли перевоплотиться в живое слово. И теперь, когда нашла
полоса всевозможных политических
дискуссий, логичнѣй этот так и рвется
наружу, он проскальзывает между
строк у докладчиков, аудиторія тоже
о немъ толкует.

И какъ каждый по своему трак-
тует об этомъ вопросѣ. Зѣбы крѣ-
змы зѣлы, большие чѣмъ когда либо
всемъ очевидно стало, что всюду хо-
рошо, но лучше всего дома.

Вот потому то эмигрантская масса
заполняетъ всѣ лекціи и доклады на
столъ животрепещущую тему. Про-
шелъ школа, ураган политіи, диспуты,
онъ избѣгъялся Берлин, Прагу, Варшаву, Париж, однимъ словомъ всѣ
центры скопленія эмигрантовъ, массы.

Идут слушать. Ищут разрешенія
многихъ волнующихъ вопросовъ, ждут
новаго слова и поддержки в минуты
все большаго безразличія.

То, что казалось совершенно не-
возможнымъ, сейчасъ является досто-
вѣрнымъ фактамъ. Западъ противил
руку диктатору «пролетариата» и
тѣмъ как будто ввелъ русскую комму-
нистическую в семье великихъ народовъ. Это
кажущееся «серьезнымъ» историче-
ское событие застало эмигрантовъ,
особенно стоящихъ вдали от политики,
врасплохъ. Вѣдь так много го-
ворили о совершенномъ паденіи крас-
ной власти, даже кто то собирался
всююю прямо въ Москву. И вдругъ
признаніе...

Вот потому то и потянулись длин-
ной вереницей недодумавшіе к ре-
ферентамъ, в поискахъ объясненія пол-
итической шарады.

Но и тамъ не много они узнали.
Старые сѣти, проба разобраться,
пронализировать все переизданое,
легкое, прямъ вдохновенное самобич-
віе и толькъ. В общемъ, все сти-
ры, давно знакомы слова, фразео-
логіи, поговорки, поговорки, си-
мволы, поговорки, поговорки, си-
мволы...

Если считающіе себя националь-
ными предложаютъ пойти на
сѣдѣ къ себѣ съ собственнымъ
понять, что мы, эмигранты и
этимъ все сказано. Мы лишьши
своихъ вождѣй (если когданибудь ихъ
имѣли) и предоставляемъ самимъ себѣ.
И если договоры подписаны, то вѣ-
роюто не изъ чувствъ настоящаго
признания кровавой власти, ибо ни-
кто изъ западниковъ не застрахованъ от
погони Родиной Российской имперіи у себя.
И если договоры подписаны, то вѣ-
роюто не изъ чувствъ настоящаго
признания кровавой власти, ибо ни-
кто изъ западниковъ не застрахованъ от
погони Родиной Российской имперіи у себя.

Красной зѣтью сквозь всѣ эти по-
литическіе сужденія проходитъ какая-
то недоговоренность. Такъ и проба-
вается наружу то, что пока замалчи-
вается почти всѣми: «Понять — про-
стить».

И вотъ наружу всплываетъ новый,
в высшей степени серьезный вопросъ:
кого понять, кого простить —

Если считающіе себя националь-
ными предложаютъ пойти на
сѣдѣ къ себѣ съ собственнымъ
понять, что мы, эмигранты и
этимъ все сказано. Мы лишьши
своихъ вождѣй (если когданибудь ихъ
имѣли) и предоставляемъ самимъ себѣ.
И если договоры подписаны, то вѣ-
роюто не изъ чувствъ настоящаго
признания кровавой власти, ибо ни-
кто изъ западниковъ не застрахованъ от
погони Родиной Российской имперіи у себя.

Красной зѣтью сквозь всѣ эти по-
литическіе сужденія проходитъ какая-
то недоговоренность. Такъ и проба-
вается наружу то, что пока замалчи-
вается почти всѣми: «Понять — про-
стить».

Но и это «счастье» — пишут «Извѣстія» (№ 38) выпадает далеко на долю не всѣхъ.

А. Том.

Совѣтскій быт.

III.

Несчастье русского народа в томъ,
что ни отъ старого, ни отъ нового пра-
вительства онъ не могъ и не можетъ по-
лучить просвѣтительного еликсира.
Ни раньше, ни теперь ничего не дѣл-
ается, чтобы поставить на ноги, воз-
высить хотя бы до положенія грамотности
грамотную скрупульную массу.

Старое правительство разсчитывало,
что темнѣй массой легче управлять и потому задерживало образова-
ніе. Большевицкое — забочится больше о пропагандѣ коммунизма.

Воспринимаетъ эту «премудрость» в
деревни отказались. Народъ не воз-
ышается, не просыпается, а еще

больше погружается въ тьму. Отходит
къ средневѣковью.

Да и нѣтъ, въ сущности, никакого
импульса, нѣтъ примѣра, который бы
заразилъ крестьян, заставилъ интересо-
ваться образованіемъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ
мужичковъ.

Старые учителя разбѣжались, къ
новымъ в деревни относились съ недо-
вѣромъ; можетъ быть потому, что по-
знанія ихъ не выше, чѣмъ у рядовыхъ<br

Жак Нуар.

Среди болот.

Плещутся унылые годы,
Как толпы больных стариков.
Болота да ржавые воды,
Да жалобный свист куликов...

И утром лохмотья туманов,
Как тряпки истлевших одежд.
Ни встречи, ни миражных обманов,
Ни ярких огней, ни надежд...

Почти, что у самого края
На небе ночном иногда,
Сгустившийся мрак озаряя,
Горит голубая звезда...

Зимою, весной ли, летом —
Она, разливаясь волной,
Сияет мистическим светом
Над дальней волшебной страной...

Живут там счастливые люди
Друг другу душевно близки...
И радости дышат их груди,
И чужды им пытки тоски...

Неведомы ложь и тревоги,
Измени и скорби разлуки...
Там любят, как древние боги,
Без слов, без раздумья и мук...

Но в землю чудесных утопий,
Где люди живут без забот, —
Дорога ведет через топи
Сквозь пар ядовитых болот...

Лишь кочки, как редкия пльши,
Порой намечаются днем.
Не ступит — провалится и щішія
И всадник погибнет с конем...

Умрут, проклятая свой жребій,
Утонут в грязи без стъда...
А вечером снова на небе
Блеснет голубая звезда...

И снова докучные годы,
Как писки подпольных мышей...
Болота да ржавые воды,
Да шорох ночных камышей...

Жак Нуар.

мой портрет. Затем я снимаю свою старую рожу, не понимаю: никому она не интересна». 3 марта 1896 г. отмечает: «Вчера разсердился на замѣтку о празднованіи 20-лѣтія газеты. В замѣткѣ названы подарки, поднесенные мнѣ, а ни слова нѣт о том, что я дал 5000 руб. в кассу поборщиков и 10.000 р. в кассу сотрудников».

Недоволен Суворин и отдельными сотрудниками. Особенно Столыпином, о котором говорит: «Столыпин, боюсь, окажется просто бездарностью. Он не пишет, а прокурорствует и совсем неумно». Нота неудовольствія звучит в записях о Скальковском и Рѣпинѣ. «Разсердился на меня Скальковский, которому я не выдал пая, потому что он богат и без того; работал в газетѣ, оставаясь на службѣ, играл на биржѣ и счастливо сначала, и сам говорил, что у него до миллиона рублей. Он увержал, что болтал о своем состояніи «для баб», что его нѣт у него в таком количествѣ, в каком болтал. Я велѣл ему послать 2500 руб., хотя не нахожу, что это справедливо».

«Рѣпин наврал в своей статьѣ, отнеся П. Веронезе к XVII ст., и Венецію в том стольстіи подчинал Австрії», пишет Суворин об И. Е. Рѣпинѣ, и добавляет: «Плохо наши художники знают исторію и даже исторію живописи. Я поправил его. Помалу обидится».

Зато к Амфитеатрову у старика положительно «влеченье, роль же дуга». И даже тогда, когда Амфи-

театров ушел из газеты и заслово обидѣл Суворина, он вспоминает о нем без злобы. Имя Амфитеатрова упоминается в «Дневнике» не менее 15—20 раз. Первая запись относится к 28 ноября 1896 г., где Суворин пишет: «Амфитеатров просит аванса в 5000 руб. и 300 руб. в счетъ съчи съчи о. тѣм, чтобы 100 руб. выплатить за уплату аванса». Спустя три года, 27 марта 1899 г. Суворин жалуется в своем «дневнике»: «Амфитеатров ушел из газеты, написав мнѣ обидное и фальшивое письмо». Через два дня обиженный старик приводит свое письмо к Амфитеатрову, в котором, между прочим, говорит с горечью: «Я получил ваше письмо с памятком на «общественные условия», которых побудили вас выйти из газеты. Сын мой Леля, бывший у вас, разъяснил мнѣ, что вы разумѣете под этим клевету, которая пузырила против меня, что я будто выпросил у министра циркуляр от 17 марта. Вѣдь я думал, что я способен защитить меня от клеветы. Когда про вас, посѣтѣвшей театральной катастрофы, рассказывали мнѣ прямо безчестные вещи, я тем не только не вѣрил, но я помог вам, когда вас все оставили... Я знаю, что благодарность — порок, но я не знал, что клевета — добродѣтель... Меня утѣшает только то, что люди, так поступающие, как вы, в глубинѣ души чувствуют себя скверно. Вырутъ хозяина, которому задолжал, обидѣть хозяина смертельно, которому обязан, чтобы перейти к другому — это русская черта, одна из самых худших»... К этой большой темѣ Суворин снова возвращается и 1 апреля пишет: «Амфитеатров забрал вперед 20 тысяч и улизнул, прокрывшись благородством». 14 февраля 1900 г. глубоко оскорбленный Суворин снова пишет: «Он (Амфитеатров) остался мнѣ должен до 15 тысяч, я ни разу ему не заикнулся о долгѣ. Да Бог с ним»... С тѣм большим юравственным удовлетворением старик описывает обѣд у Савиной, где артист Далматов все кричал Амфитеатрову: «Становясь на колѣни и клялся!»

Суворин не оказался алопамятным словѣком и когда с Амфитеатровым стряслась бѣда и его выслали из Петербурга за фельетон «Господа Обмановы», Суворин пишет: «Утром сегодня его жена была у Миши в сгасах. В редакціи «Россіи» ей ничего не дали. Миша дал ей 100 руб.» Чрез 2 недѣли снова пишет Амфитеатрову к Суворину: «Просила денег. Дал еще 200 руб., но подумал, что ей всего прямѣе было бы обратиться к отцу Амфитеатрова, протоіерею Успенского собора, человеку очень богатому. Уходя из «Нов. Времени», Амфитеатров остался мнѣ должен до 15 тысяч». Еще через дѣнь, 10 января Суворин пишет: «Амфитеатрова приходит просить денег и проч. Ея муж на церемониальна, выходя из газеты, клеветал на меня, писал в «Россіи» различные гадости против меня без подножки, во время юбилея не поздравил. Но у меня против него нѣт никакой злобы...» И наконец 15 февраля Суворин еще раз возвращается к Амфитеатрову: «В Москву мнѣ было переслано письмо от Амфитеатрова из Минусинска, просит пособить ему и предлагает для издания роман. Я сдѣлаю все, что смогу.»

Зато алобой и непримиримостью почты запись о Михайловском. «Я завидую Н. К. Михайловскому. Как он великолѣпен в своих воспоминаніях, с какой высоты он говорит о Некрасовѣ, о Толстом. Иван Великий, Хеопсовы пирамида! Пирамидальный человѣк! А у меня была статья Протопопова, которую

я не напечатал: просто не имѣла свободы». В этой связи Михайловский вспоминает также мелкими, только скромобиженными интригами.»

И юдкой ироніей пропитаны строки, посвященные К. Р., — вел. кн. Константина Константиновича, как актеру и поэту. «Вчера был в Эрмитажном театре и смотрѣл «Гамлета» в исполненіи вел. кн. Константина Константиновича. Но у него «лишь о. дарование». Гамлет ли говорить, ли ходить по сценѣ не умеет. Часто он просто смышион. Тынёт кому то подражает, очевидно, думает, что он что-то даровитое. В одном монологѣ он ругал короля обличающим к его кресту, которое, на конец, изломал. Он при этом поднял голос, рычал, кричал, но во всем этом ни капли души, ни одного тона сердечного. Я прослушала сцену в театре, где вел. кн. позывал астралъ. Все это было глупо и постыдно-вонючно. И чего же надо, — хотѣло спрятаться Суворин — зачем они маленьких Неропов разыгрывают и заставляют себѣ аптиодировать эту челядь петербургскую?»

Отмѣчая, 30-лѣтній юбилей композитора Соловьевъ, Суворин пишет от 15 февраля: «Былъ государь и государыня. Хорошо, что они прѣѣхали на скромный праздник композитора. Но скверно со стороны вел. кн. Константина Константиновича, тов. предсѣдателя консерваторіи: он не прѣѣхал и присыпал телеграмму. Видно устал от Гамлета. Сѣдняшка! Гаер в велятиконарском санѣ, плохой поэт, плохой актер и к тому же безактный и невѣжливый человѣк Соловьевъ пишет музыку на его стихи. Вот и не холостаи!»

В записи от 14 марта отмѣчается еще слѣдующій эпизод: «Буренин позволил себѣ в фельетонѣ кратко-мѣко отозваться о стихах К. Р. Феоктистовъ привал меня в управление по делам печати: «Скажите Буренину, охота ему говорить о стихах К. Р. Министр очень недоволен. Пусть лучше пишут великие князья плохіе стихи, тѣм быклуми бить.»

Не мѣтко сердито отмѣчает Суворин и вымѣшательство имп. Маріи Федоровны в дѣла прессы. 2 августа 1900 г. старик сердито заносит в «дневник»: «С Китаем идет телеграммы. Слово стоит 3 рубля, благодаря императрицѣ Маріи Федоровнѣ, которая потребовала этот налог в пользу датской компаніи: Погибла Россія — лишь была бы жива Дания. Нѣмка не дѣлала того, что дѣлает эта вдовствующая. Говорят, что Пализен получил миллионы, по ея требованію, тоже ни за что ни про что.»

Я привел лишь самую неизменную часть, относящуюся непосредственно к дѣятелям литературы и журналистики. Эта часть к тому же у Суворина самая безобидная, то и здѣсь почти вся фигуры дѣйствующих лиц выписаны, что называется «во весь рост». За то в той части «дневника», где описываются дѣятеля бюрократического-самодержавного Олимпа, действующія лица ка-жутся фотографіями, взятыми из проката из альбомов уголовных картелей. Закрывая «дневник» чувствуешь, почему так обидятся талантливый журналист, когда его «дураки и ослы» предполагали наградить высоким орденом.

16 ноября 1904 г. стоит запись, под которой мог бы подпись са-мый смиренный революционер: «Есть ли у правительства друзья? Какие могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров.»

Ник. Бержанский.